

ДЗЯРЖАЎНАЯ НАВУКОВАЯ ЎСТАНОВА
“ЦЭНТР ДАСЛЕДАВАННЯЎ
БЕЛАРУСКАЙ КУЛЬТУРЫ, МОВЫ І ЛІТАРАТУРЫ
НАЦЫЯНАЛЬНАЙ АКАДЭМІИ НАВУК БЕЛАРУСІ”

БЕЛАРУСКАЯ МОВА
Ў XXI СТАГОДДЗІ:
АСНОЎНЫЯ ТЭНДЭНЦЫІ РАЗВІЦЦЯ
(да 80-годдзя акадэміка А. І. Падлужнага)

Зборнік матэрыялаў
Міжнароднай навуковай канферэнцыі,
Мінск, 28–29 кастрычніка 2015 года

Мінск
“Права і эканоміка”
2015

УДК 808.2

ББК 81.2

Б43

Рэдакцыйная калегія:

Л.А. Ліхадзіеўская, В.А. Мандзік,
В.Л. Татур, Н.А. Чабатар, К.Д. Шчасная

Адказны рэдактар:

д.ф.н. В.П. Русак

Рэцэнзенты:

к.ф.н. В.І. Уласевіч, к.ф.н. Т.Я. Максімава

Рэкамендавана да друку
вучоным саветам Центра даследавання беларускай культуры,
мовы і літаратуры НАН Беларусі

Б43

Беларуская мова ў ХХІ стагоддзі: асноўныя тэндэнцыі
развіцця (да 80-годдзя акадэміка А.І. Падлужнага): Зборнік
матэрыялаў Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск,
28–29 кастрычніка 2015 года / Цэнтр даследавання беларускай
культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. –
Мінск : Права і эканоміка, 2015. – 380 с.

ISBN 978-985-552-495-4.

У зборнік уключаны матэрыялы дакладаў, у якіх разглядаюцца актуальныя пытанні
фанетыкі, граматыкі, лексікалогіі, лексікаграфіі, а таксама перспектывынага
функциянавання моў у сучаснай глабальнай прасторы.

Зборнік уяўляе цікавасць для лінгвістаў, даследчыкаў, выкладчыкаў, настаўнікаў,
студэнтаў і аспірантаў, а таксама шырокага кола чытачоў, якія цікавяцца пытаннямі
мовазнаўства.

УДК 808.2

ББК 81.2

ISBN 978-985-552-495-4

© ДНУ “Цэнтр даследавання беларускай
культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай
акадэміі навук Беларусі”, 2015

© Афармленне. ВТАА “Права і эканоміка”, 2015

Т. Я. Максімава ЗЛАДЗЕІ И ЗЛОДЗЕІ: ПРЫВАТНЫ ВЫПАДАК РАЗЫХОДЖАННЯ	222
АКЦЭНТАЛАГЧНАЙ НОРМЫ И МОЎНАГА УЗУСУ	
Ю. В. Маліцкі ПАЎТОР ЯК СРОДАК РЭАЛЗАЦЫ ПРАГМАТИЧНАГА ЗМЕСТУ Ў СУЧАСНЫМ БЕЛАРУСКІМ ГУТАРКОВЫМ МАЎЛЕННІ	227
В. А. Мандзік САНДХІ Ў БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЕ	231
В. В. Маршэўская КОЛЕРАНАЙМЕННІ Ў ГАВОРКАХ ГРОДЗЕНШЧЫНЫ	235
В. У. Міцкевіч ПРАБЛЕМЫ ПЕРАДАЧЫ НАЗВАЎ ГЕАГРАФІЧНЫХ АБ'ЕКТАЎ СЕРБІИ НА БЕЛАРУСКУЮ МОВУ	237
I. I. Навасельцева ІНТЭРФЕРЭНЦЫЙНЫЯ З'ЯВЫ Ў ТЭКСТАХ СМІ ЯК ВЫНІК ІСНАВАННЯ ДЗЯРЖАЎНАГА БЕЛАРУСКА-РУСКАГА ДВУХМОЎЯ	244
Н. Е. Никитина АНТРОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОВЕСТИ В. БЫКОВА «СОТНИКОВ», ЕЕ АВТОРСКОГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК И ИЗУЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИЛИНГВАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	251
О. М. Николаева РУССКИЕ И БЕЛОРУССКИЕ ГЛАГОЛЫ С СЕМАНТИКОЙ ЗВУЧАНИЯ, ФОРМИРУЮЩИЕ ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ЗОНЫ СООТНОСИТЕЛЬНЫХ ВЕРБАТИВНЫХ ЛСГ	257
Н. В. Паляшчук КАМПАЗЩЫЙНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ СЛОНИМСКІХ ТАСТАМЕНТАЎ	267
Т. Л. Памазенка ЛЕКСІКА З ТЭРМІНАЛАГЧНЫМ ЗНАЧЭННЕМ У ПЕРАКЛАДНЫХ ЛЕКСІКАГРАФІЧНЫХ КРЫНЦАХ КАНЦА XIX – ПАЧАТКУ XX СТ.	274
Т. А. Піваварчык БЕЛАРУСКАЯ МОВА НА СТАРОНКАХ РАЁННЫХ ГАЗЕТ ВА ЎМОВАХ БЕЛАРУСКА-РУСКАГА МЕДЫЙНАГА БІЛІНГВІЗМУ	280
Ж. С. Сіплівеня ДА ПЫТАННЯ ПРА ПАХОДЖАННЕ НЕКАТОРЫХ МЯНУШАК НАСЕЛЬNIКАЎ ГРОДЗЕНШЧЫНЫ	285
А. А. Сомін МЕТАМОЎНАЯ РЭФЛЕКСІЯ Ў КАМЕНТАРЫЯХ ДА БЕЛАРУСКАМОЎНЫХ НАВІН <u>НЕ</u> САЦЫЯЛІНГВІСТЫЧНАЙ ТЭМАТЫКІ	290

прапанаванага праз СМІ канкрэтнымі людзьмі, у прадукт грамадскі, калектыўны” [2, с. 9], таму “імкненне да высокай маўленчай якасці твора павінна быць прафесійным абавязкам журналіста” [3, с. 23]. Усім, хто працуе з беларускім словам, варта дбаць аб чысціні роднай мовы, каб яна, развіваючыся, не траціла самабытнасці, а праз гэта паўней выяўляла нацыянальныя скарбы для агульнанацыянальнай культуры [4]. У значнай ступені менавіта каштоўнаснае стаўленне ў грамадстве да нацыянальнай мовы і спрыяе развіццю нацыі ў сацыякультурнай прасторы.

Літаратура

1. Гілевіч, Н. Бальшавізм працягваецца / Н. Гілевіч // ЛіМ, 19.01.2001.
2. Іўчанкаў, В. І. Культура маўлення журналіста: СМІ як каталізатар моўных тэндэнций і заканамернасцей // Культура маўлення журналіста: зборнік навуковых артыкуулаў. Вып. I (VII) / Пад рэд. В. І. Іўчанкава, С. К. Бердніка / В. І. Іўчанкаў. – Мінск : БДУ, 2013. – 106 с.
3. Жаўняровіч, П. П. Ізамарфізм рускага элемента ў матэрыйлах газеты “Звязда” // Культура маўлення журналіста: зборнік навуковых артыкуулаў. Вып. I (VII) / Пад рэд. В. І. Іўчанкава, С. К. Бердніка / П. П. Жаўняровіч. – Мінск : БДУ, 2013. – 106 с.
4. Лужанін, М. Мова – гоман векавога бору / М. Лужанін // Звязда, 06.06.1996.
5. Лукашанец, А. А. Двухмоёе / А. А. Лукашанец // Беларуская мова : Энцыклапедыя / Пад рэд. А. Я. Міхневіча. – Мінск : БелЭн, 1994. – С. 174-176.
6. Падлужны А. І. Нормы беларускага літаратурнага вымаўлення / А. І. Падлужны // Пытанні культуры беларускай пісьмовай мовы. – Мінск : Народная асвета, 1991. – 175 с.
7. Скрыган, Я. Думкі аб мове / Я. Скрыган // Выбраныя творы ў 2 т. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1985. – 2 т.
8. Цвірка, К. Шашаль мовы – калька / К. Цвірка // ЛіМ, 12.03.1993.
9. Чорны, К. Публіцыстычныя нататкі / К. Чорны // Збор твораў у 8 т. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1975. – 8 т.
10. Шкраба, І. Р. Іншамоўнае слова ў газетным дыскурсе / І. Р. Шкраба. // Культура маўлення журналіста: зборнік навуковых артыкуулаў. Вып. I (VII) / Пад рэд. В. І. Іўчанкава, С. К. Бердніка. – Мінск : БДУ, 2013. – 106 с.
11. Газета “Звязда”.
12. Газета “Культура”.
13. Газета “ЛіМ”.

Н. Е. Нікітіна (Мінск, Беларусь)

АНТРОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОВЕСТИ В. БЫКОВА «СОТНИКОВ», ЕЕ АВТОРСКОГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК И ИЗУЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИЛИНГВАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Известно, что антропонимы в произведениях художественной литературы нередко используются для характеристики персонажей. При этом, по мнению Ж. И. Дергилевой, в процессе коммуникации в системе

«писатель – читатель» антропонимы не только репрезентируют личность персонажа, но и позволяют воссоздать лингвоментальнокультурный образ автора – его языковую личность [7]. Значит, описание языковой личности мастера слова будет более исчерпывающим, если в поле зрения исследователя окажется антропонимическое пространство произведения. Когда речь идет о билингвальной языковой личности, естественным и необходимым представляется рассмотрение антропонимикона оригинального текста произведения и его авторского перевода.

Цель статьи – установить некоторые направления деятельности билингвальной языковой личности путем сравнения антропонимического пространства белорусскоязычного оригинала повести В. Быкова «Сотников» и ее авторского перевода на русский язык.

Обратимся к характеристике личных имен. В оригинале повести используется 25 имен, их носителей можно разделить по возрастному признаку: взрослые мужчины и женщины, молодые люди и девушки, а также дети.

Большинство взрослых крестьян названы православными именами либо их разговорными вариантами: *Ахрэм* (Ефремий), *Амяллян* (Емельян), *Змітра* (Дмитрий), *Ігналя* (Игнатий), *Дзёмка* (Демьян), *Пётра* (Петр); *Аўгіння* (Авгинья), *Праскоўя* (Прасковья), *Галена* (Елена), *Гануля* (Анна) и др. В отношении уважаемых крестьян в препозиции к имени употребляются приложения *дзядзька*, *бабка*, *цётка*: *дзядзька Ахрэм*, *дзядзька Амяллян*, *дзядзька Восіп*, *цётка Праскоўя*, *цётка Галена*, *цётка Гануля*, *бабка Прося*. Отмечен также случай номинации замужней женщины прозвищем, образованным от имени мужа: *Дзёмчыха* ← *Дзёмка*. Представители еврейской национальности носят свойственные данному народу имена: *Арон*, *Іцка* и др. Молодые люди, незамужние девушки и дети названы в повести краткими или уменьшительно-ласкательными именами с суффиксами *-к-*, *-ік-*: *Стась*, *Коля*, *Каця*, *Маня*, *Люба*; *Любка*, *Зоська*; *Лёнік*.

Подобный выбор имен типичен при описании белорусского населения. Так, В. В. Шур, исследовавший роль онимов в художественном тексте, отмечал аналогичную тенденцию в произведениях Я. Коласа [11, с. 24–25].

Иключение составляют случаи употребления уменьшительно-ласкательных именных форм в отношении взрослых мужчин: *Пронька* – имя полицейского следователя, которого говорящие знают с детства и поэтому воспринимают его не как официальное лицо, а как односельчанина (*Глядзі*, *якім чортам стаў гэты Пронька*. *Я ж яго кавалерам памятаю – тады ўсе Пронькам звалі* [5, с. 473]), *Толік* – имя солдата Красной Армии, звучавшее из уст его матери, для которой он остается ребенком (– *Сын*, *сын*, *Толік наш*, – *ласкава пацвердзіла гаспадыня* [5, с. 375]).

Спорным является имя *Бася*, принадлежащее девочке-подростку из еврейской семьи Меер. На первый взгляд, это сокращенный вариант польского имени Барbara, однако, учитывая национальность героини, можно предположить, что это полное еврейское имя Батья в восточноевропейском

произношении иврита. Как пишет известный израильский раввин и общественный деятель Эллиягу Эссас, согласно Торе, Батья была дочерью египетского фараона, которая отреклась от своего происхождения и примкнула к еврейскому народу, разделив с ним все трудности гонений [12]. В повести «Сотников», на наш взгляд, данное имя является одним из наиболее удачных в силу его синкретизма: имя принадлежит девочке и по звучанию совпадает с краткой формой имени, характерной для номинации детей, однако по семантике напоминает о художественном предназначении геройни, принявшей мучительную смерть от рук фашистов.

Необходимо отметить, что разговорные варианты мужских имен указывают на территориальную принадлежность художественных реалий. По данным книги Н. В. Бирилло «Беларуская антрапанімія 3: Структура ўласных мужчынскіх імён» [2], имена *Дзёмка, Стась, Змітра, Паўка, Пётра, Восін* наиболее характерны для Витебской области, преимущественно для Докшицкого и Бешенковичского районов, граничащих с Ушачским районом, где родился В. Быков. Более того, имя *Ігналя* не употребляется нигде в Беларуси, кроме Поставского района, поэтому можно предположить, что действие повести происходит в Витебской области, хотя в тексте конкретная местность не называется.

Вторую группу антропонимов повести составляют фамилии. Из 32 представленных в тексте фамилий 3 относятся к реальным людям: *Гітлер, Пісемскі, Станюковіч*. Мы же попытаемся охарактеризовать лишь фамилии вымышленных литературных персонажей на основе структурной и семантической классификаций, которые предложили академик Н. В. Бирилло [3, 4] и доктор филологических наук А. М. Мезенко [1] соответственно.

Итак, с точки зрения структуры в оригинале повести значительное место занимают первичные фамилии, образованные от имен собственных и прозвищ без фамилиеобразующих формантов [1, с. 64–65]: *Сыч, Качан, Вокунь, Супрон, Будзіла, Кульгай, Галаўня, Рыбак, Дубавы*.

Среди вторичных фамилий можно выделить:

1. Общеславянские: тип на *-оў/-еў/-аў* (*Смалякоў, Партоў, Іваноў, Сотнікаў, Логінаў, Токараў, Золатаў*), *-ін/-ын* (*Рэдзькін, Конкін*), тип на *-скі/-цкі* (*Гронскі*), тип на *-іч/-ыч/-ыц* (*Гасціновіч, Парахневіч*), тип на *-ец/-эц, -авец* (*Удавец*);

2. Восточнославянские: тип на *-енка/-энка/-анка* (*Жмачэнка, Глушчанка*) и тип на *-ук/-юк, -чук* (*Гаманюк*);

3. Внутриязыковые: тип на *-онак/-ёнак* (*Хадаронак, Піліпёнак*) [4].

Отдельно располагаются иноязычные фамилии: *Губайдулін* (турк.), *Мэр* (евр.).

Анализируя семантику фамилий, возьмем за основу разработанную А. М. Мезенко структуру семантического поля «Фамилии жителей Беларуси» [1, с. 78]. Ядро поля составляют 18 отапеллятивных образований, которые характеризуют физическое или психическое состояние человека (*Глушчанка, Кульгай, Галаўня*), указывают на род занятий, профессию, социальное или

семейное положение (*Рыбак*, *Сотнікаў*, *Партноў*, *Токараў*, *Золатаў*, *Удавец*, *Будзіла*, *Жмачэнка*), образованы от названий живых существ (*Сыч*, *Вокунь*), растений и их частей (*Качан*, *Дубавы*, *Смалякоў*, *Рэдзькін*), предметов быта (*Гаманюк* – от «гаман» (кожаный кошелек для денег)).

Околоядерное пространство включает в себя 9 отыменных фамилий: *Іваноў*, *Піліпёнак*, *Парахневіч* (Парахоня – уменьшительная форма имени Евпраксий), *Хадаронак* (Ходор – разговорная форма имени Федор), *Логінаў* (Логин – производная форма имен Лонгин и Логгин), *Конкін* (Конка – просторечная форма имени Конон), *Гасціновіч* (возможно, образована от татарского имени Гастин (Газетдин)), *Губайдулін* (восходит к арабскому имени Губайдулла (Абдулла)), *Мэр* (образована от еврейского имени Меер).

Происхождение фамилии *Супрон* (Супрун) неоднозначно. С одной стороны, оно может быть образовано от имени Софрон, с другой – супруном называли угрюмого человека [1, с. 96]. Таким образом, данная фамилия может быть отнесена и к ядру, и к приядерной зоне семантического поля.

Наконец, на периферии поля находится лишь одна оттопонимная фамилия – *Гронскі*. Ее форма, восходящая к праславянскому сочетанию типа **tort*, указывает на западнославянское происхождение фамилии, что подтверждается многочисленностью населенных пунктов с названием Гроново, например, на территории Польши, а также наличием реки Грон в Словакии.

Таким образом, использованные в повести «Сотников» фамилии указывают на преобладание первичных отапеллятивных образований, которые «занимают важное место в современном белорусском антропонимиконе» [1, с. 65].

Обращают на себя внимание некоторые особенности, связанные с употреблением фамилий. Так, принадлежность детей к определенному семейству выражается с помощью добавления к фамилии отца суффикса -*ят*- со значением ‘детскости’ (*Кульгай* → *кульганяты*). Кроме того, для различия отца и сына в речи к их фамилии добавляются прилагательные *старэйшы* / *малодышы* (*Піліпёнак малодышы*). Приведенные примеры можно рассматривать как способы выражения отношений «отец – дети». В тексте также встречается эпитет-приложение, называющий род занятий обладателя фамилии (*Мэр-шавец*).

Рассмотрим особенности передачи антропонимов в авторском переводе повести на русский язык. Так как имена собственные – это объекты межъязыкового и межкультурного заимствования [8, с. 14], их передача при переводе художественного текста может осуществляться следующими путями: транскрипция, транслитерация, трансплантация и субSTITУЦИЯ [9, с. 32]. Как справедливо замечает В.П. Сушкевич, при переводе с одного близкородственного языка на другой – например, с белорусского на русский – транскрипцию, транслитерацию и трансплантацию разграничить сложно [10, с. 209].

Так, в авторском переводе повести «Сотников» на русский язык большинство имен собственных и именных форм (около 70 %) передаются с помощью транскрипции. Наиболее частотными изменениями при этом способе передачи являются следующие:

- белорусское аканье и яканье не сохраняется под действием норм русской орфографии и орфоэпии: *Амялян* – Емельян, *Галена* – Гелена, *Глушичанка* – Глущенко, *Хадаронак* – Ходоронок, *Партноў* – Портнов, *Дубавы* – Дубовой и др;
- происходит замена ў (у) на ё: *Аўгіння* – Авгинья, *Праскоўя* – Прасковья, *Сотнікаў* – Сотников, *Удавец* – Вдовец;
- смягчаются «затверделые» белорусские звуки [р], [ч]: *Ахрэм* – Ахрем, *Рэдзькін* – Редькин, *Дзёмчыха* – Дёмчиха, *Жмачэнка* – Жмаченко;
- дифтонг дз заменяется на д: *Дзёмка* – Демка, *Будзіла* – Будила, *Рэдзькін* – Редькин.
- белорусский звук [ц'] переходит в русский [т']: *Каця* – Катя, *Гасціновіч* – Гастинович.

Передача антропонимов путем трансплантации наблюдается в 22 % случаев: *Гануля* – Гануля, *Стась* – Стась, *Любка* – Любка, *Зоська* – Зоська, *Коля* – Коля, *Бася* – Бася, *Мания* – Мания, *Люба* – Люба, *Рыбак* – Рыбак, *Сыч* – Сыч, *Супрон* – Супрон, *Кульгай* – Кульгай.

Транслитерация занимает третье место в процентном отношении (7 % случаев): *Іцка* – Ицка, *Ігналя* – Игналя, *Толік* – Толик, *Лёнік* – Лёник. Как видим, примеры отличаются лишь буквами і – и.

СубSTITУЦИЯ представлена всего одним примером: *Вокунь* – Окунь.

Приложения дзядзька, бабка, ѽётка во всех случаях переводятся соответственно: **дзядзька** Ахрэм – **дядька** Ахрем, **ѿётка** Праскоўя – **тетка** Прасковья, **бабка** Прося – **баба** Меланья.

Кроме того, наблюдается нарушение единообразия перевода: имена, употребленные в оригинале лишь в одном варианте, при переводе заменяются разными вариантами. Так, имя Пётра употребляется в оригинальной форме только при первом упоминании (– *А Пётра* Качан [6, с. 423]), а далее в тексте заменяется вариантом Петр (*Ну так и есть, в углу устраивался их недавний знакомый – лесиновский староста Петр* [6, с. 492]; *Наверно, Петру* это не слишком прибавит его вины перед немцами, а им двоим, возможно, и поможет [6, с. 494]; *Слышал, в деревне его зовут Петр* [6, с. 499] и др.). Однажды употреблена разговорная форма обращения (*Ну, мужики и говорят: «Иди ты, Петро, ты в плену был»* [6, с. 433] и др.). Отметим, что разговорные варианты Пётра и Петро встречаются в прямой речи, а нейтральное имя Петр – преимущественно в несобственно прямой речи и в словах автора.

Вариативность характерна и для перевода имени Дзёмка, которое употребляется только в прямой речи, однако переводится по-разному: – *А дзе твой Дзёмка?* – раптам спытаў Рыбак [5, с. 422] – *А где твой Демка?* – вдруг спросил Рыбак [6, с. 466]; *Дзёмка там недзе горачка прымае, а з мяне*

тут знущаюца [5, с. 472] – *Дёмка там где-то горюшко мыкает* [6, с 511]; *Значыць, ваши татка Дзёмка?* [5, с. 414] – *Значит, ваши папка Демьян?* [6, с. 460]; – *А Дзёмка ў войску?* [5 с. 472] – *А Демьян в войске* [6, с. 511].

Данное явление, как и видоизменение имен собственных, в авторском переводе может рассматриваться как свидетельство билингвальной языковой личности автора-переводчика, что позволяет ему приблизить реалии произведения к русскоязычному читателю.

Наконец, группа имен при переводе заменена другими, абсолютно не схожими единицами: *Восін* – *Роман*, *Прося* – *Меланья*, *Пронька* – *Павка*, *Арон* – *Залман*. В первых трех случаях это может быть связано со стремлением В. Быкова избежать неоднозначности в восприятии данных имен: *Восін* ← Иосиф или Осип; *Прося* ← Евпраксия или Прасковья; *Пронька* ← Прокл, или Прокопий, или Протасий, или Прохор*. Имена *Роман*, *Меланья*, *Павка* (Павел) не обладают подобной вариативностью.

Имя *Арон*, употребленное практически в традиционной еврейской форме (Аарон), изменено на распространенную среди евреев Восточной Европы форму имени Соломон (Шолом) – *Залман*, что свидетельствует о возможном стремлении автора-переводчика использовать имя, которое было бы свойственно именно территории, описываемой в повести.

В тексте авторского перевода отсутствуют русские аналоги фамилий *Токараў*, *Галаўня*, *Конкін*, *Губайдулін*, поскольку эти персонажи там не упоминаются, а фамилия *Золатаў* заменена автором-переводчиком на *Коготков*. Данные изменения могут наблюдаться лишь в том случае, когда автор самостоятельно переводит свое произведение, поскольку в других условиях подобные опущения и трансформации неприемлемы.

В авторском переводе повести отражено явление, сходное с процессом образования прозвищ и фамилий. Так, в оригинале упоминается *Арон* *крывы* – определение *крывы*, написанное со строчной буквы, располагается в постпозиции к имени и указывает на физический недостаток его носителя. В авторском переводе данного персонажа зовут *Кривой Залман* – определение *Кривой* здесь расположено в препозиции к имени и пишется с прописной буквы, что сближает его с прозвищем либо фамилией, сохраняя, однако, первоначальную семантику.

Способы выражения отношений «отец – дети», а также указание на профессиональную принадлежность персонажа нашли точное отражение в авторском переводе повести на русский язык: *А Кульгай і ўсе кульганяты расстраляны* [5, с. 456] – *А Кульгай и все кульганята расстреляны* [6, с. 497]; *Піліпёнак малодышы* [5, с. 473] – *Филиппенок младший* [6, с. 512]; *Ці не Мэера-шаўца ты дачка?* [5, с. 470] – *Это Меера-сапожника дочка* [6, с. 509].

Проведенные нами наблюдения позволяют сформулировать следующие выводы.

* По материалам сайта www.ufolog.ru.

1. Антропонимикон белорусскоязычного оригинала повести «Сотников», как и его авторского перевода на русский язык, полностью соответствует антропонимическому пространству Беларуси, особенно родной для автора Витебской области.

2. При переводе повести на русский язык автор использовал такие способы передачи имен собственных, как транскрипция, транслитерация, трансплантация и субституция, типичные для перевода текстов с одного близкородственного языка на другой.

3. Видоизменение некоторых имен (*Змітра* – *Змитер*, *Галена* – *Гелена*), а также нарушение единобразия перевода (*Пётра* – *Петра / Петр*, *Дзёмка* – *Дёмка / Демьян*) свидетельствуют о стремлении автора-переводчика приблизить реалии повести к менталитету русскоязычных читателей, а следовательно, является проявлением его билингвальной языковой личности;

4. Полная замена антропонимов (*Восін* – *Роман*, *Прося* – *Меланья*, *Золатаў* – *Коготков* и др.), а тем более изменение количества персонажей является отличительной чертой авторского перевода, так как при обычном переводе данные приемы не допускаются.

Література

1. Беларуская антрапанімія : вучб. дапам. / Г.М. Мезенка [і інш.] ; пад агульн. рэд. Г. М. Мезенка. – Віцебск : ВДУ, 2009. – 238 с.
2. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія 3 : Структура ўласных мужчынскіх імен / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982. – 320 с.
3. Бірыла, М. В. Беларускія антрапанімічныя назвы ў іх адносінах да антрапанімічных назваў іншых славянскіх моў (рускай, украінскай, польскай) / М. В. Бірыла. – Мінск : Выд-ва Акадэміі навук БССР, 1963. – 58 с.
4. Бірыла, М. В. Тыпалогія і геаграфія славянскіх прозвішчаў. Даклады X Міжнароднага з’езда славістаў / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1988. – 63 с.
5. Быкаў, В. Сотнікаў / В. Быкаў // Поўны зб. тв. : у 14 т. – Мінск: Саюз беларускіх пісьменнікаў ; Москва, ТАА «Выдавецства «Время», 2005. – Т. 3 : Аповесці. – С. 351–510.
6. Быков, В. Сотников / В. Быков // Повести : Дожить до расвета ; Его батальон ; Волчья стая ; Сотников ; Обелиск : Пер. с белорус. – Мн. : Маст. літ., 1988. – С. 405–543.
7. Дергилева, Ж. И. Художественный антропонимикон в лингвокультурологическом представлении (на материале диалогии И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок») : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ж. И. Дергилева. – Белгород, 2008. – 242 л.
8. Ермолович, Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М. : Р. Валент, 2001. – 133 с.
9. Клюсов, Г. Н. Белорусско-русские параллели в передаче личных имен / Г. Н. Клюсов // Русский язык: межвед. сб. – Минск, 1982. – Вып. 2. – С. 38–57.
10. Сушкевич, П. В. Антропонимы в переводе повести В. Быкова «Облава» на русский язык / П. В. Сушкевич // Язык и социум : материалы IX Междунар. науч. конф., 3–4 декабря 2010 г., Минск : в 3 ч. / Редкол. : Л. Ф. Гербик (отв. ред.). – Минск : РИВШ, 2011. – Ч. 3. – С. 208–211.
11. Шур, В. В. Онім у мастацкім тэксце / В. В. Шур. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 2006. – 216 с.

12. Эссас, Э. Ц. Имя Бася – сокращение от какого имени? / Э. Ц. Эссас // Еврейский сайт [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : <http://www.evrey.com/sitep/askrabbi1/q.php?q=otvet/q4124.htm>. – Дата доступа : 12.07.2015.

O. M. Николаева (Минск, Беларусь)

РУССКИЕ И БЕЛОРУССКИЕ ГЛАГОЛЫ С СЕМАНТИКОЙ ЗВУЧАНИЯ, ФОРМИРУЮЩИЕ ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ЗОНЫ СООТНОСИТЕЛЬНЫХ ВЕРБАТИВНЫХ ЛСГ

«На каждый звук есть эхо на земле».

A. Тарковский

Окружающий нас мир наполнен самыми разнообразными звуками. Являясь одним из типов информации, получаемой человеком с помощью органов чувств, звуки играют значительную роль в нашей жизни. Представление о многих явлениях и предметах в человеческом сознании впервые создается с помощью слуха. Возможность получения адекватного образа реальной действительности и правильная ориентация человека в акустическом пространстве обеспечиваются предметной отнесенностью слышимых звуков [10, с. 66]. Как отмечал известный психиатр и психолог к. XIX – нач. XX вв. А. Н. Бернштейн, «способность воспринимать звуковое раздражение, связывать его с соответствующим образом конкретного или абстрактного мира и воспроизводить его же как символ, который будит в слушателе образ, соответствующий нашему замыслу, – таково назначение звукового феномена, связывающего невидимыми нитями мыслящий субъект с активными и пассивными объектами» [1, с. 110]. Наша психика оперирует определенным запасом звуковых образов, ставших ее достоянием: «грохот выстрела, стрекотанье кузнеца, благовест колокола и визг ребенка запоминаются лишь постольку, <...> поскольку могут быть воспроизведены; запоминается, правда, еще и их эмоциональная окраска...» [1, с. 128–129].

Звук как источник всякого рода сведений об окружающем мире и протекающих в нем процессах исследовался человеком с самых давних времен. Известно, что акустические опыты проводил еще древнегреческий ученый и философ Пифагор, рассматривавший все явления природы с точки зрения математического основания. Полученные им данные о звуковых соотношениях легли в основу более поздних представлений людей о гармонии Вселенной – будто бы небесные тела и планеты расположены относительно друг друга в соответствии с музыкальными интервалами. Считалось, что каждая планета в соответствии с индивидуальным числом звучит по-своему: так, Сатурн издает самые низкие звуки, Юпитер сравнивался с басом, Меркурий – с фальцетом, Земля – с контрато, Венера – с сопрано; в целом же космос представляет собой гармонический мировой хор [2, с. 619; 7, с. 65].